

ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О ПРЕОДОЛЕНИИ МОРАТОРИЯ НА СМЕРТНУЮ КАЗНЬ¹

Н.Н. Тарусина

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

Объектом исследования выступают правовые нормы (конституционные, конвенционные, уголовно–правовые) о смертной казни как исключительной мере наказания, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ и доктринальные положения по данному вопросу. Целью работы является обоснование возможности возврата к данному виду наказания в российском правоприменении в рамках действующего законодательства. Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания социально–правовых явлений, общенаучные, междисциплинарные, а также специализированные методы юридической науки. Сформулирована позиция автора о том, что, с формально–юридической точки зрения, преодоление моратория не требует принятия новой Конституции – достаточно запроса уполномоченного субъекта в Конституционный Суд РФ, т. к. определение последнего о бессрочном характере данного моратория этому не препятствует (в соответствующем же постановлении Суда вопросы уголовного права не обсуждались) либо решение Государственной Думы РФ.

Ключевые слова: смертная казнь, мораторий, конституционно–правовая оценка, новые обстоятельства, преодоление, возвращение к дискуссии.

К формально-юридическим размышлениям по заявленной проблеме автора «эссе» подвиг заочный обмен мнениями заместителя председателя Совета Безопасности РФ Д.А. Медведева и председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Совета Федерации РФ А.А. Клишаса о возможности/невозможности преодоления моратория на смертную казнь [18]. Первый, не отрицая философско-гуманитарной сложности вопроса о данном виде наказания, настаивая на непреклонном его возвращении в российское правоохранительное пространство, подчеркнул гуманистический контекст моратория и в целом позиции об отказе от смертной казни (в «противоход» США, КНР, Индии и др.), все же не исключил возврата к ней – при условии изменения правовой позиции Конституционного Суда РФ на основе анализа обстоятельств сегодняшнего дня. Второй, отвечая на вопрос в принципе, а также в связи

---

¹ Исследование выполнено в рамках инициативного проекта ЯрГУ VIP-015.

с запросом депутата Государственной Думы РФ К.Ф. Затулина о восстановлении в стране смертной казни для организаторов террористических актов против детей и молодежи, объявил о невозможности данного решения в рамках действующей Конституции Российской Федерации (принята 12.12.1993 г.) [1] (норма ст. 20 и глава вторая в целом могут быть изменены только посредством принятия нового Основного закона).

Потребность в размышлении была также усилена весьма резкими оценками позиции Д.А. Медведева некоторыми представителями научного юридического сообщества, в том числе незаслуженными (в контексте изложенной им позиции) упреками *ad personam*¹.

Как известно, норма ст. 20 Конституции РФ отнюдь не исключает применение смертной казни, но содержит три значимые смысловые нагрузки: первая – ее ориентация в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни; вторая – обусловленность осуждения к данному виду наказания приговором суда присяжных; третья – предположение о ее временном характере, даже и при соблюдении предыдущих условий («...впредь до ее отмены...»). Поскольку организация суда присяжных затянулась и во времени, и по территориям, а вопрос об исполнении смертных приговоров требовал прямого ответа, Конституционный Суд РФ принял Постановление от 02.02.1999 г. № 3–П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года “О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судоустройстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях”» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» [26], где в п. 5 допустил применение смертной казни только после введения суда присяжных на всей территории РФ. В доктрине данная правовая позиция квалифицирована вполне точно: речь идет о

---

¹ Так, А.П. Евсеев констатировал: «...надежда российских либералов конца нулевых, интеллигентнейший Д.А. Медведев дал решительный крен вправо», допустив возвращение смертной казни и прокомментировав факт приостановки членства в Совете Европы и ПАСЕ как неплохом поводе, «наконец хлопнуть дверью и забыть об этих бессмысленных богадельнях навсегда» [9, с. 131].

Между тем позиция Д.А. Медведева – отнюдь не столь кровожадная, как явствует из означенной статьи – ее следует все же изучать в системе с другими его высказываниями, а не опираться только на небольшой пост «В Контакте». Полагаем также, что интеллигентность не предполагает полного совпадения с объемом понятия «человек либеральных взглядов» – она может быть присуща (о, «ретроградная крамола!») и человеку взглядов патриотических. Кроме того, наше мировоззрение обладает определенной изменчивостью, что вряд ли подлежит обструкции, – лишь бы изменчивость не оказалась враждебной самой сущности его обладателя.

двух аспектах действия моратория – на вынесение смертных приговоров и на их исполнение [22]; один относится к уголовно-процессуальному, другой – к уголовно-исполнительному законодательству (однако отнюдь не к уголовно-правовому, т. е. напрямую не касается п. «н» ст. 44 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022 г.)) [6].

Последовавшее через 10 лет определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р [28], принятое по запросу Верховного Суда РФ в связи с повсеместной организацией судов присяжных (включая Чеченскую Республику), содержит правовую позицию, в предмете своем выходящую весьма далеко за целеполагание разъяснения смысла постановления 1999 г., хотя, с точки зрения доктринальной и филологической эстетики, традиционно находится на высоком уровне.

В частности, факт выхода за означенные пределы был констатирован в приложенном к определению особом мнении судьи Ю.Д. Рудкина, полагавшего, что вопрос о разъяснении содержания Постановления 1999 г. не подлежал рассмотрению, т. к. изложение его уголовно-процессуальной составляющей (а именно она анализировалась Судом) не содержит неопределенности и не нуждается в дополнительном истолковании. Следует заметить, что в доктрине данное особое мнение оценено положительно – как заслуживающее весьма пристального внимания¹, с чем мы вполне солидарны².

В то же время понятна и мотивация Суда к выходу за эти данные пределы, что следует из сущности его аргументации за сохранение моратория (и даже «бессрочного моратория») на смертную казнь. Действительно, конституционно-правовая оценка отношения государства к смертной казни была необходима и актуализировалась в виду реализации условия о судах присяжных. Однако полагаем, что данная оценка должна была стать формально-юридической (и уже потом – сущностной) реакцией не на запрос Верховного Суда РФ о разъяснении постановления 1999 г., а на запрос уполномоченного к тому субъекта (Президента РФ, Совета Федерации РФ и др. – ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» [4]) о конституционно-правовом смысле нормы ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, международно-правовых обязательств по вопросу и сложившейся правоприменительной практики. Именно в этом ключе и выстроена

---

¹ Так, например, А.И. Рарог, констатируя, что упрекнуть Суд «в нестабильности правовых позиций практически невозможно, поскольку его решения с момента вынесения действуют неизменно и безоговорочно», однако именно рассматриваемое определение оценивает, как вызывающее сомнение, а особое мнение судьи Ю.Д. Рудкина – как значимое [21, с. 48–49].

² И в очередной раз выражаем сожаление о решении законодателя отказать институту особого мнения судьи Конституционного Суда РФ в публичности [24, с. 71–74].

аргументация Суда в указанном определении, хотя и за пределами предмета запроса.

Не вдаваясь подробно в его содержание (оно неоднократно проанализировано в доктрине [10, с. 22–47; 12, с. 459–461]), тем не менее, отметим наиболее значимые положения, которые и привели к выводу о «бессрочности» моратория. Первое: хотя РФ не ратифицировала подписанный ею протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подписана РФ 28.02.1996 г., вступила в силу для РФ 05.05.1998 г.) [3], она и не выразила прямо своего намерения не стать его участником (при этом ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров (принята 23.05.1969 г.) [2] призывает воздерживаться от действий, лишающих подписанное соглашение объекта и цели). Однако в норме содержится дополнительная формулировка: «под условием ратификации». Как известно, это условие до сих пор не выполнено, и причины к тому в доктрине называются разные: бездействие Государственной Думы РФ – продуманная принципиальная позиция; осознание исторических традиций, а также реалий криминологической ситуации; нежелание депутатов возложить на себя ответственность за непопулярное в обществе решение [12, с. 457–458]. Кроме того, в рассматриваемой части Протокол № 6 не соответствует норме ст. 20 Конституции РФ, в которой смертная казнь не отменена, хотя и отвечает ее духу, представлениям о будущности данного вида наказания. При этом с тех пор подходы к квалификации юридической силы международно-правовых актов и договоров изменились. В настоящее время норма ч. 6 ст. 125 Конституции РФ позволяет Конституционному Суду РФ давать договорам конституционно-правовую оценку, а предписание ч. 5¹ – решать вопрос об исполнимости актов международных организаций. Причем последнее полномочие, как известно, явилось прямым или опосредованным (квалификация зависит от угла и характера «зрения») следствием коллизии правовых позиций Суда и ЕСПЧ [24, с. 67–69], а в качестве предпосылки имело постановление Суда (2015 г.) и последовавшее вскоре за ним изменение ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Тенденция на иерархичность актов вполне просматривается.

Второе: в международно-правовом поле сформировалась устойчивая тенденция на отказ от смертной казни; солидаризация с нею была одним из существенных условий для приглашения РФ в Совет Европы (п. 4. 1 Определения). Разумеется. Однако РФ из него в 2022 г. вышла (и именно это обстоятельство явилось, наряду с другими, основанием для позиции Д.А. Медведева).

Третье: если одна из ветвей государственной власти (читай – Государственная Дума РФ) «допускает отклонение от этого обязательства, его соблюдение может быть обеспечено другими ветвями власти...» (п. 5). Полагаем данный тезис, по меньшей мере, спорным.

Если же его «привязать» к случаю, то, во-первых, Президент РФ не принял соответствующего решения, а лишь обозначил в своем Указе от 16.05.1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» (вступил в силу с 16.05.1996 г.) [8] стремление к постепенному отказу от легитимации обсуждаемого вида наказания, во-вторых, Конституционный Суд РФ не мог подменить в вопросе ратификации (а по сути – квалификации подхода РФ к смертной казни) первую ветвь государственной власти. По данному поводу, с учетом современных реалий, весьма осторожно высказался Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, подчеркнув, что Суд не отменил этот вид наказания, ибо на то уполномочен лишь законодатель, он «лишь сделал практически бессрочным мораторий на ее назначение и применение; иное стало бы нарушением принципа разделения властей и выходом Суда за пределы его полномочий» [14, с. 77]. Полагаем, однако, что, как говорится в русской присказке, «хрен редьки не слаще»: формально избегнул, а, по сути, избежать не смог, – видимо, в рамках заданных жизнью обстоятельств и собственного профессионального правосознания.

Четвертое: в России сложилась правоприменительная практика о неприменении смертной казни. Данное положение также небесспорно. Да, с одной стороны, гуманистический контекст данной практики вполне очевиден. Но, с другой стороны, неочевидна надежность ссылки на правоприменение как таковое, ибо оно может быть и изменчивым, и ошибочным, даже незаконным (причем, молчаливо признаваемым высшими судами)¹ – по тем или иным причинам. Что касается обеспечения права на жизнь для «злодеев»² (обладающих таковым правом и лишивших его другого, а то и многих других), то по этому

---

¹ Одним из ярких примеров подобного рода являются правовые позиции по вопросам суррогатного материнства и «суррогатного отцовства», по которым сложилась практика, игнорирующая положения закона (ст. 51 Семейного кодекса РФ от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (принят Государственной Думой 08.12.1995 г.) [7] и ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (принят Государственной Думой 01.11.2011 г.)) [5]. В частности, очевидное нарушение нормы п. 4 ст. 52 СК РФ (при воздержании от прямой квалификации его в качестве такового со стороны Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ) констатируется в особом мнении судьи Конституционного Суда А.Н. Кокотова» [25, с. 79] к определению Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 г. № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [27].

Относительно своеобразия подходов к нарушению нормы ст. 55 указанного ФЗ см. одну из статей автора [23, с. 143].

² О специфическом варианте «злодейства» см., например, одну из работ по психолого-философскому аспекту проблемы [19, с. 71–73].

аспекту обсуждаемой проблемы, как известно, в российской доктрине высказаны прямо противоположные мнения, причем, при доминировании идеи снисхождения. При этом ссылка любого суда на практику, которая, собственно, им же и сформирована, представляет собою своеобразное проявление «юридического нарциссизма»...¹. И относительно устойчивого ожидания неприменения смертной казни (вследствие такой практики): полагаем, что надежда на сохранение жизни означенных «злодеев» – последнее (хоть и без отрицания такового ожидания с их стороны), что следует принимать во внимание; в первую очередь необходимо облегчить продолжение жизни близким погибшего, во вторую – обеспечить хотя бы минимальную превенцию, в третью – ответить на убежденность большей части общества в неотвратимости сурового наказания за особо тяжкое преступление (или острое желание такую убежденность сформировать) [13, с. 245–248]. Разумеется, мы знакомы с аргументацией против данного вида наказания – от фундаментально-гуманистического прочтения проблемы до соображений о возможности непоправимой судебной ошибки (пусть и уменьшившейся вследствие технико-криминалистических достижений – генной дактилоскопии, технологии распознавания лиц, повышения эффективности «детектора лжи» и т.п.), однако подробное изложение соответствующих доводов не входит в нашу задачу – тем более что ее содержательное выполнение вполне успешно в доктрине осуществляется [10, 11]². Имеются также и убедительные политико-правовые призывы: отмена смертной казни должна «стать нашим национальным выбором, свойственным духу нашего народа, чья сила никогда не высчитывалась количеством смертных приговоров» [22].

Впрочем, независимо от оценки рассматриваемой правовой позиции, в противостоянии мнений о возможности преодоления моратория в ситуации сегодняшнего дня, полагаем обоснованным принять точку зрения Д.А. Медведева – не в смысле непрямого возврата к смертной

---

¹ В доктрине также встречается ссылка на закон – в качестве аргумента своей позиции. Как будто конкретные нормативно-правовые положения (а в нашем случае – массив судебных решений) имеют своим источником божественное провидение, а не являются следствием интеллектуальных усилий человека, думающего, сомневающегося, ошибающегося, а иной раз – и следующего за определенными обстоятельствами...

² Особо хотелось бы отметить размышления по данному вопросу, системные, взвешенные на «весах» жизненного и профессионального опыта, М.И. Клеандрова [15, с. 306–318].

Позволим себе лишь одно соображение – об учете общественного мнения. Как известно, последнее преимущественно поддерживает идею сохранения смертной казни (до 70% респондентов). Реакция на это обстоятельство – весьма критичная. Однако следует заметить, что подходы и в политике, и в доктрине относительно «гласа народа» различаются – в зависимости от желания его оценщиков: выгодно – включаем в аргументацию, невыгодно – исключаем из нее либо подвергаем основательному сомнению.

казни (тем более что он и не призывает к этому с однозначностью), а в смысле допустимости обращения к этому вопросу ввиду новых обстоятельств. Поскольку правовая позиция Конституционного Суда РФ была изложена в определении, а не в постановлении (в последнем, еще раз подчеркнем, содержится конституционно-правовая оценка уголовно-процессуального законодательства, а не уголовно-правового), обращение с запросом в Суд допустимо – в соответствии с нормой п. 3. ч. 1 ст. 43 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Содержание его решения предвидеть не можем (да, строго говоря, и не вправе) – допускаем лишь предположение о возможном подтверждении его позиции, основанной на современном прочтении принципа гуманизма. Для «чистоты эксперимента» Российская Федерация может реализовать свое право заявить о намерении выйти из подписанного, но не ратифицированного Протокола № 6, преодолев тем самым последнее, на наш взгляд, препятствие–аргумент обсуждаемой правовой позиции Суда. Вопрос, сформируется ли на то политическая воля. Следовательно, принятия новой конституции как условия преодоления моратория формально–юридически не требуется. При этом, как известно, в доктрине необходимость ее разработки и принятия констатируется (в фундаментальном контексте [16, 17]) – дабы достигнуть «симфонии» между ее содержанием и реалиями современного российского общества и российской государственности, а также исключить некоторую фрагментарность ее нормативистики, возникшую на основе поправок 2020 г.¹ Вот тогда и посмотрим на результат по обсуждаемому вопросу, ибо в этом плане, каков бы ни был итог конституционно-правовой оценки действующей ситуации на основе действующей Конституции, предполагаемый новый Основной закон РФ может ее и скорректировать. Но произойдет это нескоро. Гораздо скорее можем увидеть означенную оценку проблемы, актуализированной общественным запросом, особенно после начала СВО².

---

¹ Например, ярким образцом таковой является положение о браке как союзе мужчины и женщины, размещенное в п. «ж¹» ст. 72.... Хотя само по себе оно актуально и отвечает российским ценностным ориентирам.

² В день, когда была поставлена точка в конце статьи, в выступлении на Всероссийском съезде судей В.Д. Зорькин отметил: 1) оснований для отмены моратория на смертную казнь нет; это нарушило бы сложившийся конституционно–правовой режим; вернуться можно только через принятие новой Конституции; 2) в 2022 году смертные приговоры выносятся в 53 государствах из 195; «повышенная напряженность конкретного исторического времени – не повод для создания перевеса в сторону суровости» (даже для ДНР и ЛНР); 3) если «некоторые известные политики» призывают к отмене, – «флаг им в руки» [20].

Между тем в своей книге о конституционном правосудии В.Д. Зорькин пишет о нерешенности данной проблемы, допускает возможность возврата к данной мере наказания в будущем («...пока есть убийства, вопрос о применении смертной казни не

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята 12.12.1993 г.) (с поправками) // РГ. 1993. 25 декабря.
2. Венская конвенция о праве международных договоров (принята 23.05.1969 г.) // Веб-сайта ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 25.11.2022).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (подписана РФ 28.02.1996 г., вступила в силу для РФ 05.05.1998 г.) // Электронного фонда правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1000003045> (дата обращения: 25.11.2022).
4. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
5. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
6. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1 (ч. 1). Ст. 16.
8. Указ Президента Российской Федерации от 16.05.1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» // СЗ РФ. 1996. № 21. Ст. 2468.
9. Евсеев А.П. Приглашение на казнь // Закон. 2022. № 3. С. 130–134.
10. Виноградова Е.В. Российская конституционная идентичность. Смертная казнь, против и ... против // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 55. С. 22–47.
11. Головина А.Ю. Вопрос о смертной казни в современной российской правовой науке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 230–243.
12. Демидова А.В. Смертная казнь как вид уголовного наказания: современное состояние и тенденции развития // Вопросы российской юстиции. 2022. Вып. 20. С. 455–465.
13. Захарцев С.И. К дискуссии о смертной казни // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1 (205). С. 245–258.
14. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб., 2021. 154 с.
15. Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18.
16. Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть (Окончание) // Государство и прав. 2022. № 3. С. 7–18.

может быть полностью закрыт» – «...многое зависит от общей правовой ситуации в стране...») [14, с. 80–81].

17. Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. М.: Норма ИНФРА–М, 2022. 364 с.

18. Медведев допустил возвращение в России смертной казни [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/11/02/medvvved/?ysclid=lawdgesbk3956399170> (дата обращения: 25.11.2022).

19. Меньчиков Г.П. Люди и монстры // Педагогика и психология. Теория и практика. 2022. № 1 (39). С. 71–73.

20. Отказ от моратория на смертную казнь – плохой сигнал для общества [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/discussion/2022/11/29/otkaz_ot_moratoriya_na_smertnuyu_kazn_-_plohoj_signal_obschestvu_glava_konstitucionnogo_suda_vystup?ysclid=lb3amea naz480065238 (дата обращения: 30.11.2022).

21. Парог А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 11 (120). С. 46–60.

22. Романовский Г.Б. Смертная казнь как вид уголовного наказания // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2016. Т. 4, № 4 (16) [Электронный ресурс]. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

23. Тарусина Н.Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 1. С. 131–146.

24. Тарусина Н.Н. Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15. № 1. С. 64–75.

25. Тарусина Н.Н. Одинокое материнство как социально–правовое явление // Журнал российского права. Т. 26. № 7. С. 68–84.

26. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

27. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 г. № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

28. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р «О разьяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года

«О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», Заслуженный юрист РФ, SPIN-код: 5565-5523, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

FORMAL AND LEGAL ASSUMPTIONS ABOUT OVERCOMING THE MORATORIUM ON THE DEATH PENALTY

N.N. Tarusina

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl

The object of the study is the legal norms (constitutional, conventional, criminal law) on the death penalty as an exceptional measure of punishment, as well as the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and doctrinal provisions on this issue. The aim of the work is to substantiate the possibility of returning to this type of punishment in Russian law enforcement within the framework of the current legislation. The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition of social and legal phenomena, general scientific, interdisciplinary, as well as specialized methods of legal science. The author's position is formulated that, from a formal legal point of view, overcoming the moratorium does not require the adoption of a new constitution - it is enough to request an authorized subject to the Constitutional Court of the Russian Federation, since the latter's definition of the indefinite nature of this moratorium does not prevent this (in the corresponding in the judgment of the Court, questions of criminal law were not discussed) or the decision of the State Duma of the RF.

Keywords: *death penalty, moratorium, constitutional and legal assessment, new circumstances, overcoming, return to discussion.*

About author:

TARUSINA Nadezhda – PhD in Law, Professor, Head of the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Honored Lawyer of the RF, SPIN-code: 5565-5523, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Тарусина Н.Н. Формально-юридические предположения о преодолении моратория на смертную казнь // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 56–65.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023 г.

Подписана в печать 27.02.2023 г.